УДК 343.3/.7 ББК 67.408.1

А. С. КОСОБОКОВА
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

A. S. KOSOBOKOVA
Lebedev Russian State University of Justice

ПОНЯТИЕ ПЫТКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

THE CONCEPT OF TORTURE IN CRIMINAL LAW

Аннотация. Актуальность исследования признаков и законодательного определения пытки связана с проблемой неоднозначного и противоречивого понимания ее сущности как правового явления.

Основной целью работы выступает выделение отличительных признаков пытки и уточнение дефиниции, закрепленной в Уголовном кодексе РФ.

Автором рассматривались проблемы возможного субъекта применения пытки, законодательного закрепления ее целей, особенности квалификации.

Помимо использования общенаучных методов исследования, автором используются специальные юридические (формально-юридический и сравнительно-правовой).

В результате исследования автором выделены отличительные признаки пытки, обосновано включение в дефиницию пытки указания на специальный субъект, уточнена одна из целей.

Ключевые слова: пытка, цели, насилие, особая жестокость, страдания, уголовное право

Abstract. The relevance of the study of the signs and legislative definition of torture is associated with the problem of an ambiguous and contradictory understanding of its essence as a legal phenomenon.

The main purpose of the work is to highlight the distinctive features of torture and clarify the definition enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation.

The author considered the problems of a possible subject of the use of torture, the legislative consolidation of its purposes, and the peculiarities of qualification.

In addition to using general scientific research methods, the author uses special legal (formal legal and comparative legal).

As a result of the research, the author identifies the distinctive features of torture, justifies the inclusion of an indication of a special subject in the definition of torture, and clarifies one of the purposes.

Keywords: torture, purposes, violence, special cruelty, suffering, criminal law

ВВЕДЕНИЕ

В юридической литературе достаточно часто рассматривается вопрос о соотношении упоминаемых законодателем в одном синонимическом ряду таких понятий, как «особая жестокость», «издевательство», «мучения», «садизм», «пытка». Как отмечает, например, Р. Д. Шарапов: «представляется верным мнение, что все эти понятия являются частными случаями проявления особой жестокости, ибо они раскрывают разные грани одного и того же явления — особо жестокого насилия» [1, с. 263–264].

Одной из форм особой жестокости выступает пытка. Об этом свидетельствует и судебная практика. Раскрывая признак особой жестокости в ст. 105 УК РФ Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 постановлении от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»[1] (далее — постановление Пленума ВС РФ об убийстве) указывает, что она проявляется в том числе в применении пыток. Аналогичное утверждение содержится в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»[2].

Представляется, что в уголовном праве каждый термин должен иметь собственное, отличное от других слов значение, чтобы быть понятным как правоприменителю, так и другим лицам — адресатам уголовно-правовых запретов. Такой тезис согласуется с принципом правовой определенности. Поэтому каждое из вышеупомянутых проявлений насилия должно обладать собственным содержанием и иметь отличительные признаки.

Пытка уже не раз выступала объектом различных научных исследований. Так, А. Г. Меньшикова [2, с. 54] и Н. В. Борисенкова [3, с. 9] раскрывали её сущность через сопоставление со смежными понятиями. Криминологический аспект пыток и механизм противодействия их применению рассматривались в работе Р. С. Чобаняна [4, с. 9]. Однако данные труды, как и многие другие, не учитывают современное законодательное понятие пытки и ее место в системе уголовно-правовых норм. А. А. Радченко [5, с. 292] и О. В. Ермакова [6, с. 17] анализировали актуальную дефиницию на предмет её соответствия международным стандартам. На проблемы реализации уголовной ответственности за пытки указывала Н. Ю. Скрипченко [7, с. 377].

В рамках настоящего исследования автор ставил перед собой цель установить содержание пытки и выделить ее характерные черты исходя из нынешнего законодательно закрепленного понятия, судебной практики и иных источников, позволяющих уяснить ее суть. Принимая во внимание выявленные недостатки, автором предложено уточненное определение пытки. Также в работе впервые рассматривается вопрос о возможности вменения пытки в качестве признака «с особой жестокостью» наряду с другими признаками одного состава преступления, содержащими иные цели.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами исследования выступили: международные правовые акты, нормативные правовые акты РФ, акты толкования, научная литература. Были использованы эмпирические методы (сравнение, моделирование, системный метод). Сравнительно-правовой метод стал основным инструмен-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

том при определении источника частично имплементированного в российское национальное законодательство понятия пытки. Формально-юридический метод позволил выявить неточности в законодательной дефиниции пытки и устранить ее.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пытка — одно из наиболее урегулированных законодателем правовых явлений по сравнению с остальными формами особой жестокости. Прежде всего, она имеет легальную дефиницию.

В самой первой редакции Уголовного кодекса РФ[3] (далее — УК РФ) данный термин упоминался в качестве квалифицирующего признака истязаний «с применением пытки» в п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Позже законодатель Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ[4] включил в Уголовный кодекс РФ примечание, содержащее саму дефиницию пытки. Согласно данному примечанию под пыткой в ст. 117 и других статьях Уголовного Кодекса РФ понималось «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях».

Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ[5] (далее — Закон о пытках) исключил примечание к ст. 117, заменил пытку признаком «с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего», при этом добавил в ст. 286 и ст. 302 УК РФ признак «с применением пытки», а также ввел с помощью примечания к ст. 286 УК РФ новое определение рассматриваемого термина. Теперь оно выглядит следующим образом: «под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера».

Данное определение почти полностью воспроизводит понятие пытки данное в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания[6] (далее — Конвенция против пыток), за исключением указания на специальных субъектов ее применения. К. А. Бардеев отмечает, что «международное уголовное право рассматривает пытку как должностное посягательство, совершаемое государственными должностными лицами, лицами, действующими в официальном качестве или по их поручению» [8, с. 10].

В нынешней российской правовой системе, несмотря на отсутствие прямого указания на специальных субъектов применения пытки, она так же связывается именно с государством и его уполномоченными представителями. Такой вывод можно сделать исходя из совокупности следующих обстоятельств.

---

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. ст. 4848.

[5] Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.07.2022. № 29. Ст. 5274.

[6] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984: офиц. текст: по состоянию на 17.01.2024 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1995. — № 4. — С. 49. (Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 января 1987 года № 6416-XI).

Во-первых, об этом косвенно говорит сам законодатель, включая и упоминая пытку только в преступлениях против государственной власти. Во-вторых, об этом свидетельствуют следующие положения, указанные в пояснительной записке к Закону о пытках: «Без сомнения, общественная опасность рассматриваемого негативного явления, помимо причинения увечий и вреда потерпевшему, кроется еще и в формировании отрицательного отношения общества ко всей правоохранительной системе, порождает в обществе нигилизм к правопорядку и приводит к ошибочному выводу, что насилие, жестокость и несправедливость являются естественными вещами, а их применение необходимо для социально значимых целей»[7]. Авторы (по сути, законодатель) напрямую связывают пытку и правоохранительную систему, также указывая на достижение социально значимых целей как преследуемый должностными лицами правоохранительной системы результат применения пытки. В-третьих, на это обращают внимание и в доктрине. Например, сравнивая пытку и истязание, Ю. С. Пестерова пишет, что «различие между пыткой и истязанием проводится не по объективированным действиям, а по особым признакам лица, совершающего истязание» [9, с. 9]. В-четвертых, такое понимание пытки встречается и в судебной практике. Например, Первый кассационный суд РФ в одном из дел указал: «судом установлено, что М. В. В., М. Д. и К. применяли в отношении потерпевшей М. А. насилие, которое носило характер систематичности и выражалось в многократном избиении потерпевшей, тем самым причинили ей физические и психические страдания. При этом суд первой инстанции квалифицировал действия осужденных как истязание потерпевшей с применением пытки. Однако совершение преступления с применением пыток отнесено действующим законом к должностным преступлениям. Осужденные признаками субъекта такого преступления не обладают»[8].

Кроме того, как справедливо отмечает А. А. Радченко, в прошлом пытка широко использовалась при расследовании преступлений, являясь основным средством получения доказательств, что даже отразилось в словарях русского языка, где она трактуется как допрос с истязаниями [5, с. 289].

Исходя из системного толкования, можно сделать вывод, что пытка совершается исключительно специальным субъектом. Однако с мнением о том, что это могут быть только должностные лица [3, с. 11; 10, с. 180], согласиться трудно. Сущность пытки заключается в наличии так называемого «государственного компонента»[9], который она имманентно содержит. Он подразумевает под собой использование ресурсов государства и (или) молчаливое непротиводействие поведению субъекта, в том числе его уполномоченными представителями, для применения пытки как способа достижения определенных целей. Исходя из ст. 286 и ст. 302 УК РФ к таким специальным субъектам относятся, наряду с должностными лицами, любые другие лица, которые по заданию должностного лица, с его разрешения или молчаливого согласия применяют пытку.

Наличие «государственного компонента» обуславливает также наличие собственного объекта пытки. Таковым является государственная власть, а точнее общественные

[7] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 42307-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/42307-8#bh_note (дата обращения — 20.01.2025).

[8] См.: Определение Первого кассационного суда РФ общей юрисдикции от 18 октября 2023 г. № 77-4756/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] В нашем исследовании термин «компонент» не синонимичен терминам «элемент», «составная часть». Компонент пронизывает некоторые элементы, обуславливает их наличие и связь.

отношения, регулирующие осуществление государственной власти, ее авторитет среди населения и статус в обществе. Как уже указывалось, в пояснительной записке к Закону о пытках также говорилось о «формировании отрицательного отношения общества ко всей правоохранительной системе», порождении «в обществе нигилизма к правопорядку». И. В. Дворянсков также видит самостоятельную общественную опасность пытки в оправдании применяемого насилия государственными интересами [11, с. 13]. Стоит согласиться и с К. А. Бардеевым, который детализирует объект пытки и включает в него: «1) общественные отношения в сфере осуществления государственной власти, реализации интересов государственной службы; 2) общественные отношения в сфере осуществления правосудия, реализации интересов последнего» [8, с. 136].

Однако стоит упомянуть, что пытка подразумевает применение насилия, что влияет на наличие дополнительного объекта в виде здоровья или телесной неприкосновенности потерпевшего.

Объективная сторона пытки, исходя из примечания к ст. 286 УК РФ, заключается в действии или бездействии, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания. Р. С. Чобанян отмечает, что «способ пытки всегда характеризуется таким признаком, как особая жестокость» [4, с. 21]. Анализируя понятие пытки в международных документах, в том числе Конвенции против пыток, Р. Д. Шарапов пишет, что «в указанных международных документах, как нам кажется, пытка связывается не с любым насилием, а только с причинением сильной боли, физического или психического страдания, то есть с применением особо жестокого насилия» [1, с. 273]. Ввиду того, что Уголовный кодекс РФ теперь содержит аналогичную Конвенции против пыток дефиницию в части признаков объективной стороны, вывод о связи пытки не с любым, а с особо жестоким насилием можно считать актуальным и для российского законодательства. При этом в случае, когда особо жестокое насилие не сопряжено с целями пытки, повышенная степень общественной опасности такого деяния должна учитываться при назначении наказания. Это позволяют сделать наличие п. «и» ст. 63 УК РФ, предусматривающего особую жестокость в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, и существенный разброс пределов наказания в санкциях п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (от трех до десяти лет лишения свободы) и ч. 2 ст. 302 УК РФ (от двух до восьми лет).

Кроме того, стоит обратить внимание на некоторую путаницу в терминологии, внесенную имплементацией рассматриваемого международного определения в национальное законодательство.

Исходя из понятия пытки, ее обязательным признаком являются «сильная боль либо физические или нравственные страдания». Во-первых, сильная боль — это и есть страдания. Такое мнение твердо закрепилось в теории уголовного права. Так, А. Г. Меньшикова анализируя различные трактовки термина «страдания» в доктрине уголовного права, в качестве вывода заключает: «страдания — это боль, причем боль как физического, так и (или) психического характера, испытываемая потерпевшим» [2, с. 32]. Такой же вывод можно сделать исходя из сопоставления положений ст. 116 УК РФ и ст. 117 УК РФ. В целях разграничения данных составов законодатель в ст. 117 УК РФ включил термин «физические страдания» как указание на более интенсивные болевые ощущения (сильную боль) по сравнению со ст. 116 УК РФ, содержащей признак «причинившие физическую боль».

О. В. Ермакова обращает внимание на тот факт, что сильная боль в прежнем определении пытки, содержащемся в примечании к ст. 117 УК РФ, наряду с физическими

и нравственными страданиями не упоминалась. Такое законодательное изменение она оценивает негативно ввиду масштабного использования законодателем оценочных категорий, которые не имеют никаких критериев определения [6, с. 16].

Таким образом, указание отдельно на сильную боль наряду со страданиями, а тем более противопоставление их союзом «либо», кажется излишним и даже вовсе противоречащим значению данных терминов, придаваемому им в национальной правовой системе.

Во-вторых, термин «нравственные страдания» в контексте Уголовного кодекса РФ использовать не совсем корректно.

На данный момент в УК РФ употребляется 3 термина, характеризующие страдания: «физические», «психические», «нравственные». Все эти термины должны иметь конкретное и отличное друг от друга содержание. Деление страданий на виды призвано всеобъемлюще защитить человека путем учета уголовным законом не только сильного физического, но и эмоционального, психологического дискомфорта. Такое деление необходимо, оно отвечает практическим целям, указывая правоприменителю, на что требуется обращать внимание в конкретной ситуации, какой вред личности учитывать.

Страдания — это один из видов психического или физического вреда, который рассматривается в качестве общественно опасного последствия насилия, в нашем случае особо жестокого [12, с. 135; 7, с. 378]. В данном контексте психические и нравственные страдания обозначают одно и тоже. Это противопоставление физическому (телесному), указание на связь с сознанием. Использовать в тексте закона два разных термина для обозначения одного явления нет необходимости, это усложняет понимание правовых предписаний и перегружает нормативный правовой акт, поэтому нужно выбрать один из них.

Термин «нравственный» имеет не одно значение, преимущественно связывается с этическими нормами, качествами самого человека, которые определяют его поведение[10]. «Психический» же четко ассоциируется исключительно с психикой и сознанием[11], а потому в большей степени отвечает цели его применения — разграничению с «физическим».

Кроме того, если обратиться к англоязычному тексту Конвенции против пыток, то можно увидеть, что в нем используется словосочетание «mental suffering». Но «mental» чаще всего переводится именно как «психический»[12]. Это прослеживается, например, и в официальном переводе Доклада Специального докладчика ООН «Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» — термин «нравственные» упоминается только в рамках цитирования официального перевода на русский язык понятия пытки из этой же Конвенции (п. 18)[13], в остальном же тексте доклада «mental» переводится как «психический». На наш взгляд, «нравственные страдания» в определении пытки в Конвенции против пыток (а, как следствие, и в примечании 1 к ст. 286 УК РФ) являются упущением переводчиков.

Соответственно, необходимо устранить терминологическую неточность в тексте УК РФ путем исключения «нравственных страданий» и замены их на «психические

[10] См.: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: словарь / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. — Изд. 28-е., перераб. — Москва: Мир и Образование, 2014. — 1376 с. — С. 638.

[11] См.: Ожегов С. И. Указ. соч. — С. 945.

[12] Например, см.: Мюллер В.К. Англо-русский словарь/ Мюллер В. К. — М.: Русский язык, 1995. — 2106 с. — С. 1137.

[13] Доклад Специального докладчика ООН Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания: 20 March 2020 A/HRC/43/49. — URL: https://documents.un.org/api/symbol/access?j=G2007075&t=pdf (дата обращения: 12.01.2025). — С. 6.

страдания», в том числе в понятии пытки, указанном в примечании 1 к ст. 286 УК РФ.

Во всех упомянутых выше легальных дефинициях пытки прослеживается одна общая конструкция. Пытка — это насилие, обусловленное специальными целями или мотивом. В отличие от прежней редакции уголовного закона, список целей сегодня ограничен и является исчерпывающим, кроме того, добавлен дискриминационный мотив.

О какой-либо конкретной причине, объясняющей выбор именно этих целей для криминализации российским законодателем, говорить не приходится, так как данные цели и мотив заимствованы из Конвенции против пыток и в этой части дословно воспроизводят ее текст. Однако вопрос об обоснованности такого выбора все же остается. Скорее всего, эти цели были включены потому, что они являются наиболее типичными и распространенными для применения особо жестокого насилия в рамках правоохранительной системы.

Также стоит отметить, что данные цели могут иметь как социально значимый, так и личный низменный характер. К первым будет относиться, например, избиение заключенного, нарушившего режим отбывания наказания в исправительном учреждении, с целью наказать за такое нарушение, что отвечает цели поддержания порядка и дисциплины в местах отбывания наказаний. Примером второй цели является избиение заведомо невиновного подозреваемого с целью получить от него признание в совершении им преступления, согласующееся с целью повышения раскрываемости преступлений конкретным сотрудником правоохранительных органов.

Ограничение перечня целей пытки, на наш взгляд, является верным шагом и соответствует вышеупомянутому принципу правовой определенности, не стирая различия между смежными составами (например, ч. 4 и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) и иными терминами (истязание, издевательство, мучение, насилие), как это делала предыдущая редакция [1, с. 273]. Кроме того, применение насилия (как и любое действие [13, с. 21]) всегда имеет какую-либо цель, поэтому учет «иных целей», как это было в ранее действовавшей редакции, слишком расширяло рассматриваемый признак, что могло привести к тому, что любое применение особо жестокого насилия всегда квалифицировалось бы как пытка, а это явно не отражает в полной мере сущность анализируемого феномена.

Однако формулировка, как минимум, одной цели требует уточнения. Исходя из текста закона, цель наказания будет иметь значение только в том случае, если лицо совершило определенное неугодное виновному действие: «чтобы <...> наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается». Исключение наказания за бездействие в качестве цели пытки кажется необоснованным. Следует признать, что в большинстве случаев наказание за бездействие происходит для побуждения лица к совершению действий, которое оно не выполнило, что охватывается целью «принудить его или третье лицо». Однако такая цель действительно будет поглощать первую только тогда, когда необходимость действовать еще не отпала или желание виновного в совершении действий потерпевшим все еще наличествует. Например, рассматриваемой цели не будет, если осужденного избивают за отказ в последний день отбывания наказания убрать свое рабочее место, в то время как за него это уже сделал другой осужденный.

Наличие обязательных целей в рамках такой законодательной конструкции обуславливает некоторые особенности ее учета в правоприменении.

Наличие цели свидетельствует о том, что применение пытки возможно исключительно с прямым умыслом [14, с. 76; 15,

с. 33]. В юридической литературе широко обсуждается вопрос о виде умысла при совершении преступления с особой жестокостью [16, с. 27]. В данном же случае никаких сомнений и дискуссий вид умысла не вызывает. То есть, когда признак особой жестокости выражен в форме пытки можно однозначно говорить только о действиях с прямым умыслом.

Кроме того, в соответствии с правилом квалификации, обозначенном в п. 13 постановления Пленума ВС РФ об убийстве, при наличии нескольких целей, необходимо выбрать доминирующую и квалифицировать деяние в соответствии с нормой, предусматривающей именно эту цель. То есть, вменение признака «с применением пытки» (или признака «с особой жестокостью» в форме пытки, например, при совокупности со ст. 105 УК РФ) исключает вменение наряду с ним признаков состава, содержащих другие цели. Примером может служить ситуация, когда сотрудник исправительной колонии с применением особо жестокого насилия убивает осужденного, пытавшегося рассказать о систематическом нарушении прав осужденных и превышении сотрудниками учреждения должностных полномочий уполномоченному по правам человека в ходе проверки, на глазах других заключенных. Вменение п. «д» (особая жестокость в форме применения пытки) и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ недопустимо. Виновный достигает цели скрыть должностные преступления путем применения особо жестокого насилия с целью запугивания других заключенных, т. е. цели соотносятся как часть и целое. Цели скрыть другое преступление и запугать третьих лиц пересекаются, поэтому ввиду запрета на вменение двух целей одновременно и невозможности неучета наличествующей специальной цели пытки, правильным видится вменение только признака особой жестокости в форме пытки как «нормы-целого», включающей и цель, и особо жестокое насилие.

Можно сформулировать следующее правило квалификации подобных случаев. Вменение наряду с признаком «с применением пытки» (или признака «с особой жестокостью» в форме пытки) признаков, содержащих другие цели, невозможно. При соотношении целей как части и целого вменению подлежит признак «с применением пытки» (или признак «с особой жестокостью» в форме пытки) как более полная норма (норма-целое), включающая в себя сразу насилие, обусловленное данной целью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно выделить следующие признаки пытки:

1. Пытка посягает на такие объекты, как государственная власть (общественные отношения, регулирующие осуществление государственной власти, ее авторитет среди населения и статус в обществе), а также здоровье или телесную неприкосновенность потерпевшего.
2. Пытка является формой особой жестокости, включает особо жестокое насилие (физическое и психическое). Обязательное последствие особо жестокого насилия в рамках пытки — физический или психический вред в виде физических или психических страданий соответственно.
3. Пытка совершается специальным субъектом — лицом, представляющим государство и использующим его ресурсы и (или) молчаливое непротиводействие его поведению, т.е. должностным лицом или любыми другими лицами, которые по заданию должностного лица, с его разрешения или молчаливого согласия применяют ее.
4. Пытка включает в себя одну из обязательных целей (получить от потерпевшего или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие или бездействие, которое совершил он или третье лицо или в совершении которо-

го он подозревается, запугать или принудить его или третье лицо) или мотив (по любой причине, основанной на дискриминации любого характера). Пытка может быть применена только с прямым умыслом.

С учетом вышесказанного можно предложить уточненное понятие пытки: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняются физические или психические страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие или бездействие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, совершаемое должностным лицом или любыми другими лицами по заданию должностного лица, с его разрешения или молчаливого согласия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Шарапов Р. Д.* Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / Шарапов Роман Дмитриевич; Урал. гос. юрид. акад. — Екатеринбург, 2006. — 418 с. — EDN NOZATN.
2. *Меньшикова А. Г.* Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / Меньшикова Анна Геннадьевна; Ур. гос. юрид. акад. — Екатеринбург, 2015. — 184 с. — EDN XPLWMH.
3. *Борисенкова Н. В.* Уголовно-правовая оценка жестокости: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / Борисенкова Наталья Владимировна. — Москва, 2005. — 29 с. — EDN NIHDJT.
4. *Чобанян Р. С.* Пытка: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08 / Чобанян Рубен Степанович; Моск. гос. юрид. акад. — Москва, 2007. — 30 с. — EDN ZNGBTP.
5. *Радченко А. А.* Пытка: международные стандарты и российский уголовный закон / А. А. Радченко // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации: материалы VII Тихоокеанского юридического форума, посвященного празднованию 65-летия непрерывного юридического образования на Дальнем Востоке России. — Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2023. — С. 289–293. — EDN HBMBIE.
6. *Ермакова О. В.* Понятие «пытка» в российском и международном законодательстве: сравнительно-правовой аспект / О. В. Ермакова // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. — С. 16-17. — EDN RIWCRF.
7. *Скрипченко Н. Ю.* Уголовная ответственность за пытку: современное регулирование и проблемы реализации / Н. Ю. Скрипченко // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 372-382. — DOI 10.17150/2500-4255.2023.17(4).372-382. — EDN STEMLT.
8. *Бардеев К. А.* Пытка как уголовно-правовой феномен: компаративистское исследование: дис. ... канд. юр. наук: 5.1.4. / Бардеев Константин Андреевич; Куб. гос. ун-т. — Краснодар, 2023. — 221 с. — EDN RNEUDZ.

9. *Пестерева Ю. С.* Уголовно-правовая характеристика истязания: автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.08 / Пестерева Юлия Сергеевна; Тюмен. юрид. ин-т МВД России. — Тюмень, 2008. — 26 с. — EDN NQHDWN.
10. *Аубакирова-Тер-Григорян Н. М.* Особая жестокость, пытка, садизм, издевательство и истязание...: соотношение понятий / Н. М. Аубакирова-Тер-Григорян // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2024. — № 1. — С. 177–186. — DOI 10.31085/2949-138X-2024-1-272-177-186. — EDN NWSHTV.
11. *Дворянсков И. В.* Наказание или пытка: парадокс уголовного закона / И. В. Дворянсков // Уголовное право. — 2005. — № 1. — С. 13–15. — EDN VVGNSW.
12. *Шарапов Р. Д.* Насилие как уголовно-правовая категория и его виды / Р. Д. Шарапов. // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 1. — С. 132–138. — EDN HTNAVT.
13. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — Москва [и др.]: Питер, 2012. — 705, [7] с. — ISBN 978-5-459-01141-8. — EDN QYEWHB.
14. *Рарог А.И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: Монография / Рарог А.И. — Москва: Проспект, 2015. — 231 с. — ISBN 978-5-392-18102-5. — EDN CUISQN.
15. *Егорова Н. А.* Пытка: правовая природа и уголовно-правовое значение / Н. А. Егорова, А. Г. Егоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2024. — № 2(69). — С. 28–38. — EDN UHXKOA.
16. *Попов А. Н.* Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом / Попов А. Н.; С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации. — СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т, 2001. — 212 с.

REFERENCES

1. *Sharapov R. D.* Nasilie v ugolovnom prave: Ponyatie, kvalifikaciya, sovershenstvovanie mexanizma ugolovno-pravovogo preduprezhdeniya [Violence in criminal law: Concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal law prevention]. Ph. D. thesis. Yekaterinburg, 2006, 418 p. — EDN NOZATN.
2. *Menshikova A. G.* Osobaya zhestokost': meditsinskie i ugolovno-pravovye aspekty [Special cruelty: medical and criminal-legal aspects]. Ph. D. thesis. Yekaterinburg, 2015, 184 p. EDN XPLWMH.
3. *Borisenkova N. V.* Ugolovno-pravovaya otsenka zhestokosti [Criminal law assessment of cruelty]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2005, 29 p. EDN NIHDJT.
4. *Chobanyan R. S.* Pytka: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie [Torture: criminal law and criminological research]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2007, 30 p. EDN ZNGBTP.
5. *Radchenko A. A.* Pytka: mezhdunarodnye standarty i rossijskij ugolovnyj zakon [Torture: international standards and Russian criminal law]. Povorot na Vostok: tendencii izmeneniya institutov prava i gosudarstva v epohu globalizacii i cifrovizacii. Materialy VII Tihookeanskogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo prazdnovaniyu 65-letiya nepreryvnogo yuridicheskogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii. Vladivostok, Far Eastern Federal University, 2023, pp. 289–293. EDN HBMBIE.
6. *Ermakova O. V.* Ponyatie «pytka» v rossijskom i mezhdunarodnom zakonodatel'stve: sravnitel'no-pravovoj aspekt [The concept of "torture" in Russian and international legislation: a comparative legal aspect]. Sibirskij yuridicheskij forum: sovremennye problemy nauki i praktiki v ugolovnom prave i kriminologii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2023, pp. 16–17. EDN RIWCRF.
7. *Skripchenko N. Yu.* Criminal Responsibility for Torture: Modern Regulation and Implementation Problems. Vse rossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology, 2023, vol. 17, No. 4, pp. 372–382. EDN: STEMLT. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(4).372-382.
8. *Bardeev K. A.* Pytka kak ugolovno-pravovoi fenomen: Komparativistskoe issledovanie [Torture as a criminal law phenomenon: a comparative study]. Ph. D. thesis. Krasnodar, 2023, 221 p. — EDN RNEUDZ.
9. *Pestereva Yu. S.* Ugolovno-pravovaia kharakteristika istiazaniia [Criminal and legal characteristics of torture]. Abstract of Ph. D. thesis. Tyumen, 2008, 26 p. EDN NQHDWN.

10. *Aubakirova-Ter-Grigoryan N. M.* Particular cruelty, torture, sadism, bullying and excruciation: concept correlation. Criminal law: a development strategy in the 21st century, 2024, No. 1, pp. 177–186. DOI 10.31085/2949-138X-2024-1-272-177-186. EDN NWSHTV.
11. *Dvoryanskov I. V.* Nakazanie ili pytka: paradoks ugolovnogo zakona [Punishment or torture: the paradox of criminal law]. Criminal Law, 2005, No. 1, pp. 13–15. EDN VVGNSW.
12. *Sharapov R. D.* Nasilie kak ugolovno-pravovaya kategoriya i ego vidy [Violence as a criminal law category and its types]. Tyumen State University Herald, 2006, No. 1, pp. 132–138. EDN HTNAVT.
13. *Rubinstein S. L.* Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. Moscow [et al]: Peter, 2009, 705 p. EDN QYEWHB.
14. *Rarog A. I.* Problemy kvalifikatsii prestuplenii po sub"ektivnym priznakam [Problems of qualification of crimes on subjective grounds]. Moscow, Prospekt, 2015, 231 p., EDN CUISQN.
15. *Yegorova N. A., Yegorov A. G.* Investigative torture: legal nature and criminal law significance. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2024, No. 2, pp. 28–38. EDN UHXKOA.
16. *Popov A. N.* Ubiistva, sovershaemye s osoboi zhestokost'yu, a takzhe obshcheopasnym sposobom [Murders committed with extreme cruelty, as well as in a generally dangerous way]. St. Petersburg, St. Petersburg Law. in-t, 2001, 212 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

КОСОБОКОВА АННА СЕРГЕЕВНА
Студентка 4 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы очной формы обучения (очного юридического факультета) Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: ychebnayabel@mail.ru

Научный руководитель:
ДОРОГИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Москва, Российская Федерация

ABOUT THE AUTHOR

ANNA S. KOSOBOKOVA
4th year student, Faculty of Law,
Full-time training of specialists for the judicial system,
Lebedev Russian State University of Justice,
Moscow, Russia
ORCID: 0009-0005-3990-5004

Scientific supervisor:
DMITRY A. DOROGIN
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law Department,
Lebedev Russian State University of Justice,
Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 11.05.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted 25.02.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 11.05.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.